

АВТОБИОГРАФИЯ

В Е Г М А Н В Е Н Я М И Н Д А В И Д О В И Ч .

68

78

Сиднаповский
из Од. в. Румына

Я родился в 1873 г. 5 (12) августа в Одессе. Отец мой, Бассарабский мешанин, был комиссионером "по бакалейной части", как говорили. Богатства он не имел, умер в нищете, каковую и я познал во время всего своего отрочества, но в периоде моего детства была большая семья, состоявшая из отца, матери, двух сыновей и пяти дочерей, большой нужды не испытывая. Отец мой был человек интеллигентный, прекрасно знал древне-еврейскую литературу, в образованных еврейских кругах считался "ученым", но в то же время не принадлежал к отсталому ортодоксальному лагерю. Детям своим он старался дать образование.

Из событий, которые в периоде моего детства произошли на меня особенно сильное впечатление и глубоко врезались в мою память, я могу отметить только следующие: Кагань Александра II, еврейский погром в Одессе в 1881 г. и арест моего брата, если не ошибаюсь, в 1882 г. в связи с какими то студенческими беспорядками.

Я лишь помню это безконечное чтение "летей" и нескончаемые рассказы, с разными вариациями о том, как и при каких обстоятельствах был убит Александр II. Помню также, как я долго приставал к отцу с вопросом: "за что убили царя". Ответ его был один: "не знаю".

Вспоминаю, как меня и некоторых других детей вначале повели на чердак, где приказали сидеть молча и не плакать, дабы никто не знал где мы находимся. Помню, как мы робко сидели, прижимаясь друг к другу, и как к вечеру пришла, в сопровождении няни, моя мать, которая свела меня и остальных детей с чердака и завела в какой то находившийся на задворках сарай, где и уложила нас спать.

"Кто нас хочет убить", спрашивала я мать.

"Кацели".

"За что".

"Они пьяны".

Помню, наконец, как доснувшись однажды ночью я изумился, увидев в комнате надзирателя, городовых и жандармов. Они срыгали обонялись в комоды, в шкафы и сундуки. Меня охватили страх и трепет и я ударился в слезы, когда один городовою взял меня на руки, а какой то жандарм начал перекладывать мою постель. Мать с трудом меня утешала.

Я долго не знал, куда делся брат. Об этом я узнал лишь много

времени спустя, когда меня однажды повели в острог на свидание.

Ответа же на мучительный вопрос, почему брат Абрам сидит в остроге я ни от кого не получил. В моей детской голове, между тем, аспект брата связывался и тесно слетался с предыдущими двумя событиями. В эти мысли я и вступил в период своего отрочества.

В 1889 г. я кончил в Одессе "первое Еврейское четырехклассное казенное училище". Приблизительно в это время, но еще до окончания училища, я случайно столкнулся с человеком, встреча с которым не осталась без влияния на ход моего дальнейшего развития. Встретил я этого человека в частной библиотеке Рованского. Учащимся было запрещено брать книги из этой библиотеки. Школьная библиотека, между тем, была слишком бедна. Как и другие учащиеся, я аборировался в этой библиотеке на имя своей старшей сестры. Робко и озираюсь по сторонам, чтобы не нарваться на педеля, я обмысленно приближался к библиотеке, чтобы взять книгу. Лишь после того, как убедившись, что в библиотеке никого из посторонних нет, ворвавшись бымало, как стрела, в помещение, быстро скажешь, какую книгу хочешь, быстро стараясь получить и записать ее и также быстро вылетаешь на улицу. Ворвавшись таким образом однажды в библиотеку, я к ужасу своему узнал, что все перечисленные мною по записке сочинения Квинора, Кунера и Вальтер Скотта находятся на руках. Мое отчаяние было велико. Мне стало как то неловко, но явился избавитель в лице Д. Гольдшбаха /Рязанова/ - фамилию его, как и то, что он "ингилист" я узнал значительно позже, - стоящего у полки и рыскающего в книгах.

- Вот вам, молодой человек, книга. Берите и читайте ее, - обратился он ко мне тоном внушительным и повелительным, тоном не терпящим возражений.

Я взял книгу, не полюбопытствовал даже посмотреть заглавие и название автора. Лишь на улице я обратил внимание на то, что книга довольно странная, необычная: состоит она из кусков, каждый кусок носит одно и то же название, под каждым куском почему то сказанно "продолжение следует", хотя очевидно, что каждая последующая глава служит продолжением предыдущей. Мой вопрошенный ментор вручил мне ~~собранный~~ вручил мне собранный в одну книгу из журнала "дело" роман Оммулевского "Шаг за шагом".

Когда я, прочитав роман, пошел обменять книгу, то по счастливой случайности опять столкнулся в библиотеке с Рязановым. На этот раз он дал мне "Пчелы" Лизарова, заметив при этом: "никому только не показывай".

"Шаг за шагом" и "Пчелы" - вот те две наиболее с резкими, по

роме того я сейчас состою Зав. Сиботделом Литературы и Печати /Сиблит/, Членом Коллегии Сибнаробраза, Зав. Сибирской книжной Палаты и Зав. Сибистпартом.

Состою также членом Редакционной Коллегии журнала "Сибирские Огни".

За последние три года мне пришлось занимать и некоторые другие должности. Так, - например, я состою председателем коллегии по управлению Высшими Учебными Заведениями г. Томска, редактировал Омскую газету "Рабочий Путь" и другие.

Приходилось принимать участие ^{также} в работах разных Комиссий.

В заключение замечу, что в Вене я был вольнослушателем университета и некоторое время работал в Семинарии Проф. Карла Грюнберга.

Вен Вегман

17/IV 1923

Ново-Николаевск